Багдасарова Н.А. Про амбиции, борщ и общий язык / Н.А. Багдасарова // Энергия. - 2005. - № 8. - С. 68-71.

Н.А. Багдасарова

Про амбиции, борщ и общий язык

Интеграционные процессы в науке, технике, политике, охватившие сегодня практически все мировое пространство, неизбежно ведут к драматическому сближению культур, а в дальнейшем, возможно, и к возникновению цивилизации нового типа, в которой, как в плавильном котле, могут смешиваться культурные особенности разных стран и народов, подобно тому, как это произошло в США.

Этот процесс, безусловно, не может не затронуть и национальные языки. Необходимость создания единого экономического пространства, мировое разделение труда, стирание политических границ ведет к сужению зоны применения многих национальных языков и их вытеснению из процесса межнационального общения, т.е. политическая и экономическая экспансия влечет за собой культурную и языковую экспансию. Язык науки, экономики и политики приобретает в обществе более высокий статус, а собственный национальный язык используется лишь для бытового общения и постепенно умирает.

Казалось бы, нет ничего особенного в появлении, а затем и «вымирании» отдельно взятого языка. Это - естественный процесс эволюции. В конце концов, ведь умирание – лишь одна из стадий существования. Однако то, что происходит сегодня, сравнимо с лингвистическим геноцидом. Даже термин новый появился «лингвоцид». По самым скромным подсчетам, в течение нового столетия исчезнет около половины из зарегистрированных ныне 6 000 языков.

На первый взгляд может показаться, что к нам это не имеет никакого отношения. На русском языке говорят миллионы людей как в России, так и за ее пределами на постсоветском пространстве. Следовательно, нашему языку и культуре ничего не угрожает. Однако это не совсем так.

Сегодня проблемам влияния и взаимопроникновения языков и культур посвящено уже немало исследований. Особый интерес для отечественных исследователей, конечно, представляют явления, которые наблюдается в русском языке. Основным источником воздействия в этом отношении, если хотите «агентом влияния», безусловно, следует признать английский язык.

Сегодня даже наши соотечественники поговаривают о том, что у русского языка нет будущего. Он неприспособлен для выражения идей. По их мнению, это скорее язык песни, а не точного выражения смысла. (И как главный аргумент!) Недаром вся компьютерная техника – техника вычисления, информации – говорит по-английски.

Приходится признать, что даже самые последовательные защитники чистоты русского языка слову *user* предпочтут родное *пользователь*, а *офису* - *учреждение* или *контора*.

Популярность языка «туманного Альбиона» сегодня не вызывает никаких сомнений. Именно этот язык предпочитают изучать в качестве основного иностранного будущие инженеры и врачи, юристы и экономисты. Этот язык стал *lingua franca*, языком международного общения, в современном мире. Ни один другой язык – ни французский в Средние века, ни ранее латынь - не имел столь широкого распространения за всю историю человечества. Сегодня на английском говорят в Братиславе и Японии, Дании и Португалии, Китае и Бразилии.

Если раньше английский учили, чтобы читать английские и американские журналы, понимать коллег из этих стран, то сегодня его учат, чтобы общаться со всем миром как лично, так и виртуально. Чтобы быть понятым в Норвегии и Испании, Греции и Италии совсем необязательно учить национальные языки этих стран. Достаточно знать

английский, причем, честно говоря, вовсе необязательно блестяще. Вас постараются понять и, выражаясь научно, цель коммуникации будет достигнута.

Мы стали лучше понимать друг друга и это прекрасно.

Но так ли это? Действительно ли мы можем выразить свои мысли с помощью английского языка?

К сожалению, победное шествие английского языка по странам и континентам, имеет и негативные последствия. Игнорируя другие иностранные языки, мы теряем огромные культурные пласты. Ведь культура народа живет в его языке. Язык – это инструмент, с помощью которого мы воспринимаем действительность, осознаем окружающий нас мир. Только познакомившись с языком народа, мы сможем до конца понять его, проникнуть в его сознание.

Поскольку в основе мировидения и миропонимания каждого народа лежит своя система предметных значений, социальных стереотипов, всегда этнически обусловлено и сознание человека. Сознание человека не может не нести на себе отличительные черты всего национального сообщества. И, несмотря на все многообразие наших индивидуальных «мозаик», сложенных из частей «целого», всегда существует некое «ядро», объединяющее всех членов сообщества.

Этническая принадлежность проявляет себя в самых разных формах и на самых разных уровнях: на уровне идей, политики, культуры и искусства и даже псевдоискусства. В самом незамысловатом американском боевике и в самой примитивной российской комедии проступают те же самые национальные черты, что и на вершинах высокого искусства, хотя, конечно, в упрощенном и вульгаризированном, порой карикатурном виде.

В языке находят отражения те понятия, которые представляются значимыми для носителей этой культуры и языка. Человек всегда находится под влиянием конкретного языка. «Реальный мир» в значительной мере бессознательно строится на основании языковых норм. Мы расчленяем природу в направлении, подсказанном нашим языком. Мир предстает перед нами калейдоскопическим потоком информации, который мы расчленяем и организуем, руководствуясь правилами и средствами, имеющимися в нашем распоряжении.

Нетрудно догадаться, что едва ли языки, обслуживающие разные культуры, располагают эквивалентными арсеналами средств для передачи смыслов, значимых для собеседников.

Для иллюстрации обратимся к самым простым примерам.

Как точно перевести знакомую с детских лет фразу: *Маша ела кашу*? *Mary ate porridge*? Или *Mary was eating porridge*? Ведь русский и англичанин по-разному членят временной континуум. И вообще, почему *porridge* (*овсяная каша*)? Может быть, *каша* была *гречневой* (*buckwheat porridge*), или *пшенной* (*millet gruel*) или *манной* (*semolina*)?

Впрочем, я не совсем уверена, что сами носители английского языка знают эти слова, так как они для них столь же экзотичны, как и для большинства россиян *кильт* (*kilt*), который на русский язык часто переводится, как *юбка шотландского горца* или *солдата шотландского полка* или вообще *юбка в складку*. При этом совершенно не учитывается, что для носителя русского языкового сознания солдат или горец в юбке – это, по меньшей мере, странно. Между тем, по сочетанию цветов этого наряда шотландских горцев определяли принадлежность к той или иной семье, тому или иному враждебному или наоборот дружественному клану. А носили его только мужчины, поэтому последний вариант перевода – юбка в складку – вообще вряд ли возможен, ведь юбка – это предмет женского гардероба.

Как объяснить своему английскому коллеге, что такое *борщ*? Едва ли *beetroot soup – свекольный суп* отражает смысл. Слово *soup* ассоциируется для англичан с протертой массой, разведенной водой или бульоном, основу которой и составляет входящий в название продукт, например, *tomato soup – суп из протертых помидоров*. Да и для нас суп – это не борщ.

Ну, как после подобных комментариев, проблем с коммуникаций стало меньше? А если учесть, что хотелось бы еще объяснить, что наш борщ приправлен *сметаной - sour cream* (*кислыми сливками*), то лучше вообще руководствоваться старинной русской мудростью – Пока я ем, я глух и нем.

Можно привести довольно длинный перечень понятий и их наименований, который обязательно несут на себе национальный исторический и культурный отпечаток. Среди них названия блюд и предметов обихода, костюма, обрядов и традиций.

По-разному воспринимают представители разных лингво-культурных сообществ и цветовой спектр. Например, хорошо известно, что северные народы имеют в своих языках весьма внушительный набор слов для обозначения разных оттенков белого цвета – цвета снега, который играет в их жизни важнейшую роль. Причем представители других лингвистических сообществ, нередко стоящих на более высокой ступени научного, технического и культурного развития, эти оттенки даже не различают или, во всяком случае, не обозначают в языке. Удивительно, что в некоторых языках отсутствует само слово, соответствующее понятию «цвет», но нет языка, в котором отсутствовали бы слова, называющие конкретные оттенки цвета.

Другой пример. В чукотском языке очень мало слов, обозначающих цвета, но есть 25 терминов, называющих масти оленей.

Все эти примеры являются лишь подтверждением того, что жизнь общества и его язык всегда тесно связаны. Общество фиксирует в языке лишь жизненно значимые явления.

Одной из главных причин расхождения в семантических системах языков является неодинаковое отражение объективной действительности в сознании носителей этих языков. В некоторых случаях расхождения в членении действительности объясняются различиями в условиях жизни и труда людей и вытекающей отсюда практической необходимостью в более детализированном, или, наоборот, более обобщенном отражении действительности в языке.

Причины других, более труднообъяснимых случаев, можно искать в особенностях функционирования человеческого сознания. Язык одновременно «формирует» образ мышления человека и «отражает» его, т.е. язык – это и средство, и результат. Язык – это путеводитель в социальной действительности, руководство к пониманию культуры в широком смысле этого слова (включающем образ жизни, мышления и чувства).

Уже давно отмечено, что в любом языке можно найти слова, которым нет соответствия в другом. И здесь не только названия блюд или костюма, о которых я уже упоминала. Например, вам вряд ли удастся найти в других языках точный эквивалент русского слова *христосоваться*. «Оксфордский русско-английский словарь» предлагает следующий перевод этого слова *to exchange triple kiss (an Easter salutation) – обмениваться троекратным поцелуем (в качестве пасхального приветствия)*.

К числу таких «непереводимых» слов относятся и такие, которые выражают идеалы и установки людей, то, как они думают о мире и о своей жизни.

Обратимся еще к одному примеру. Набоков писал, что при помощи одного беспощадного слова *пошлость* можно выразить суть широко распространенного порока. По его мнению, некоторые, хотя далеко не все, оттенки пошлости выражаются английскими словами *cheap(дешевый), sham (притворство), commonplaceness(обычность), smutty(непристойный), banality(банальность), triteness(тривиальность)*. Однако все эти слова, по мнению писателя, неадекватны, так как они не нацелены на разоблачение, выставление напоказ или осуждение всякого рода «дешевки», как нацелено слово *пошлость*.

Обращение к словам, которые не имеют соответствий в других языках, стало своего рода излюбленной темой обсуждений лингвистов, занимающихся изучением языковой картины мира. Кроме того, это является и весьма сильным аргументом сторонников изучения языков малых народов во имя сохранения национальных культур.

Мне же показалось гораздо более интересным обращение к анализу тех слов, которые не просто имеют эквиваленты, а еще и являются заимствованными как для русского языка, так и для английского. Но в результате разной оценки окружающего мира они по-разному воспринимаются носителями русского и английского языка.

Ну, уж этого-то не может быть, скажите вы. Но факт остается фактом.

Например, слова *агрессивный* и *aggressive* естественно восходят к латыни. Однако всегда ли слово *aggressive* должно переводиться как *агрессивный*, т.е. *враждебный, воинственно-угрожающий, захватнический, нападающий, характеризующийся актами насилия и агрессии, создающий угрозу*? Совершенно очевидно, что для нас это негативная оценка.

А вот английское предложение: *Our company prides ourselves on launching an aggressive marketing campaign*. *Наша компания гордится началом* (неужели *агрессивной*? Конечно нет) *<u>активной</u> маркетинговой кампании*. Врач, говоря о новом методе лечения – *an aggressive treatment plan*, – вряд ли имеет в виду его *агрессивность*, т.е. *враждебность* и *угрозу*. Скорее всего, речь идет опять-таки об *активности*, т.е. носители английского языка нередко придают этому слову положительное значение. Оно ассоциируется у них с *конкурентностью в учебе и спорте, желанием достичь поставленной цели, активностью попыток в достижении этой цели*.

Или ставший почти хрестоматийным пример лингво-культурного несоответствия английского слова *ambitious* и его русского «эквивалента» *амбициозный*. Оба слова восходят к лат. *ambitio*. Однако в английском это слово расценивается как позитивно заряженный концепт, так как оно означает *целеустремленность, высокую мотивацию в достижении поставленной задачи и желание выделиться из группы*.

А для носителя русской культуры «желание выделиться из группы» никак не может восприниматься положительно. Это – безусловно, отрицательная характеристика человека, *страдающего обостренным самолюбием и самомнением, имеющего чаще всего необоснованные притязания и претендующего на то, чтобы возвыситься над своей средой*.

Чем же объясняется столь разное прочтение, казалось бы, одних и тех же слов? Для того чтобы получить ответ, нам придется обратиться к этнопсихологии, которая занимается проблемами сходства и различия в психологии индивидов, принадлежащих к разным культурным и этническим группам, и обусловленности психологических различий социально-культурными, экологическими и биологическими особенностями и т.п.

Одно из основных понятий здесь – “культурный синдром” – определенный набор ценностей, установок, верований, норм и моделей поведения, которыми одна группа культур отличается от другой.

К настоящему времени выявлен целый ряд «культурных синдромов», или параметров «измерения культур». Нас, в первую очередь, будут интересовать те параметры, по которым русские и англоязычные общности противопоставлены в наибольшей степени.

К числу фундаментальных этнокультурных характеристик многие исследователи относят оппозицию «индивидуализм – коллективизм». «Индивидуалистической» называют культуру, в которой индивидуальные цели ее членов не менее (если не более) важны, чем групповые. Напротив, «коллективистская» культура, характеризуется тем, что в ней групповые цели превалируют над индивидуальными. Культуры англо-говорящих стран (Великобритании, США, Австралии, Канады, Новой Зеландии) относятся к выраженному индивидуалистическому типу, а русская культура - к коллективистскому.

Говоря о российской культуре, некоторые исследователи отмечают, что русским свойственны отзывчивость, соборность, нестяжательство, преобладание духовных ценностей над материальными. Выделяют даже такие специфические качества, как жажда правды, жажда страдания.

Основа же англоязычных культур – общество свободных индивидуумов, опирающихся на собственные силы, и самые широкие возможности для каждого отдельного человека.

Индивидуализм – это краеугольный камень в фундаменте бытия англоязычных стран. Идея индивидуализма, так или иначе, проходит лейтмотивом через всю историю и культуру этих стран, которые, между прочим, практически не знали земледельческой общины.

Колонизация Америки и вовсе началась в эпоху, когда сельская община в странах, откуда шла наиболее усиленная эмиграция, фактически уже распалась. Фермерское хозяйство при этом изначально строилось на сугубо индивидуальной основе. Протестантская традиция также способствовала утверждению в этих странах принципов индивидуализма, так как ее отличительной чертой является учение о непосредственной связи с Богом отдельного человека. Соответственно, идея индивидуализма занимает ключевое положение в американской философии и культуре.

Доктрина «self-reliance» (рассчитывай на себя) стала своеобразным национальным кредо Америки. Эмерсон писал: «Прежние поколения действовали, исходя из убеждения, что благо человека состоит в процветании общества; гражданина единодушно приносили в жертву Государству. Современное сознание пришло к мысли, что нация существует для личности, для защиты и развития каждого отдельного человека».

Люди в индивидуалистических культурах часто отдают приоритет своим личным целям даже тогда, когда они входят в конфликт с целями значимых групп (семья, рабочий коллектив). Взрослые дети выберут лучший климат или работу вне зависимости от того близко это или далеко от их родителей. Представителям коллективистских культур такое поведение представляется эгоистичным. Они предпочтут жить рядом с состарившимися родителями, даже когда от этого страдает карьера или им не нравится климат местности.

У людей, принадлежащих к разным культурам, могут не совпадать представления о достойном способе проявления своих способностей. В индивидуалистических культурах демонстрация знаний и умений обычно поощряется. В культурах же, где ценятся межличностные отношения, кооперация и скромность, такое поведение может рассматриваться как неприличное и грубое.

В коллективистских культурах успех чаще всего считают следствием помощи других людей, а неудача проистекает исключительно из лени. В индивидуалистических культурах успех – проявление способностей личности, а неудача – результат неблагоприятного стечения обстоятельств.

В коллективистских культурах человек чаще сам приспосабливается к ситуации, чем меняет ситуацию “под себя”; в индивидуалистических же культурах он, наоборот, стремится изменить ситуацию “ в свою пользу”.

В индивидуалистических культурах поведение личности определяется мотивацией к достижениям, успеху, а в коллективистских – принадлежностью к группе. В культурах первого типа основной мотив поведения: “Я могу делать то, что мне надо”; в культурах второго типа – “Я не являюсь обузой для своей группы”.

Отсюда и различие в толковании слов *амбициозный* и *ambitious*. Вот почему россиянин расценивает эту характеристику как отрицательную. Амбициозный человек стремится выделиться из группы, подняться над ней, что является недопустимым, не отвечающим коллективистской психологии. Индивид, принадлежащий к культуре англоязычных стран, воспринимает амбиции положительно. Это качество свойственно человеку целеустремленному, имеющему высокую мотивацию к достижениям.

Как писал Джеймс Олдридж, «личный успех имеет значение в любом обществе, но в Соединенных Штатах Америки он является чуть ли не мерилом самой жизни. Личный успех означает в первую очередь успех денежный, и социальная мораль американского общества построена именно на этой материальной мере успеха».

И, напротив, традиции российской культуры сильно отличаются от американской. Она никогда не опиралась на философию успеха, как на нечто такое, что имеет чрезвычайную и решающую роль в жизни.

В заключение необходимо отметить, что язык есть лучшее отражение человеческой мысли. Безусловно, единый язык межнационального общения существенно облегчает понимание между народами. Однако нужно учесть, что уровни общения могут быть разными. Перед собеседниками (коммуникантами) могут стоять разные задачи – от вопроса служащему отеля или расспросов о здоровье знакомых до попытки исследовать глубины истории или происходящих политических и социальных процессов. Не может быть сомнений, что по-настоящему глубокое понимание приходит лишь через постижение родного языка вашего собеседника.

Но важно и другое. Изучение языков разных стран поможет нам не только понять наших собеседников, но и постичь себя.

Не случайно, размышляя об уроках истории Вавилонской башни[1], рассказанной в Книге Бытия, В.Н.Топоров отмечал, что помощь Бога заблудшим состояла в том, что, вступив на путь культурно-языковой дифференциации, люди должны были осознать факт многообразия языков и культур, отказаться от восприятия своего взгляда на мир как единственно возможного или единственно верного, такого, который «не с чем сравнить, соотнести, сопоставить и нечем проконтролировать, поправить, поддержать, продублировать» (что «питает как на дрожжах поднимающуюся гордыню»), и научиться жить в условиях культурно-языкового плюрализма, «увидеть не только «другое», но через него и себя, по крайней мере, ощутить свое различие, свою специфику, свою характерность – и в достоинствах, и в недостатках, которые в своей совокупности образуют неповторимость данного языка и данной культуры, уникальность, распространяющуюся в конце концов на весь массив языков и культур».

[1] Между прочим, англичане и русские по-разному воспринимают фразу «вавилонское столпотворение». Вавилон, согласно библейскому рассказу, был городом соблазнов, где Господь смешал языки строителей вавилонской башни. В русском языке Вавилон – символ разврата, блуда, пьянства и связанных с этими пороками шума, гама, суматохи и неразберихи. Когда мы говорим о вавилонском столпотворении, мы подразумеваем, прежде всего, порок и разврат, а только как результат шум. В английском языке «Вавилон» связан с представлениями о смешении языков, а отсюда путаница и неразбериха.